

Вершина горы рядом с усадьбой была самой высокой точкой в Фэнлине, откуда открывался вид на весь город. В резиденции правителя возвышалась башня, в которой жемчужина десяти тысяч лет служила центром магического массива, а бесчисленные духовные камни освещали вершину башни. Свет был не таким ярким, как дневной, но мягким и продолжительным, создавая ощущение уюта и гармонии.

Благодаря свету башни пейзаж Фэнлина был виден Цзян Цзинсину как на ладони.

Горы Фэнлина простирались вдаль, усадьбы и дома были расположены в гармонии, улицы и кварталы казались наполненными тайным смыслом, рассказывая о тысячелетиях расцвета и упадка, войн и мира.

Его давние сомнения растворились, как весенний дождь, оставив после себя ясность и понимание.

— Когда дом Цзян пал, я бежал один, испытывая страх и тревогу, боясь произнести лишнее слово, видя в каждом встречном потенциального предателя, который мог донести на меня властям Северной Чжоу.

Се Жунцзяо сжал кулак.

Цзян Цзинсин говорил с чувством, словно вспоминая давно забытые времена. Он был бесстрашным так долго, что почти забыл, каково это — бояться.

В юности он был таким же гордым, как Се Жунцзяо.

Тогда цветы устилали землю, дороги были выложены узорами, и в любом переулке Хаоцзина на него летели нефритовые подвески и ароматные мешочки.

Он купался в славе, наслаждаясь роскошью квартала Пинкан, смеясь под звуки лучшей лютни в мире:

— Тысячи золотых для меня — как пыль, я бросаю их ради радости.

Старшие говорили о Цзян Цзинсине с любовью и ненавистью, советуя своим детям учиться у него мастерству, но избегать его бунтарского духа.

Пока дом Цзян не рухнул, и он не очнулся от двадцатилетнего сна в Хаоцзине.

— Однажды я спас орла, который съел отравленный плод. После этого он больше никогда не прикасался к плодам, как бы ни был голоден. Мне было жаль его, потому что он, возможно, пропустил не яд, а волшебный плод.

Се Жунцзяо знал Цзян Цзисина лучше всех.

Ведь они прошли вместе столько дорог, а Се Жунцзяо никогда не был разговорчивым. Цзян Цзинсин изо всех сил старался развлечь его.

Поэтому он рассказывал всё, что происходило с ним до встречи с Се Жунцзяо, даже те постыдные истории, которые он скрывал от Се Хуаня.

Но Се Жунцзяо не слышал этой.

У каждого есть вещи, которые он не хочет рассказывать даже самым близким.

Особенно такие, как Цзян Цзинсин, который считал себя лучшим во всём, от внешности до мастерства, и готов был хвалить себя с закрытыми глазами. Для него было редким проявлением любви рассказать Се Жунцзяо о своих детских шалостях и наказаниях.

Се Жунцзяо долго молчал, прежде чем найти слова утешения:

— Завтра мы поедим карпов.

Эти слова разрушили всё, что Цзян Цзинсин собирался сказать, превратив его почти поэтический монолог в нечто странное.

Цзян Цзинсин:

— Что плохого сделали карпы?

Даже после десяти лет вместе он иногда не мог понять, о чём думает Аци.

Он потратил некоторое время, чтобы привести мысли в порядок.

Десятилетия превратили его гнев и обиду в почти нежное воспоминание. Цзян Цзинсин говорил спокойно и с улыбкой:

— Проведя некоторое время с тем орлом, я понял, что не отличаюсь от него. Он боялся есть плоды, а я не мог забыть о падении дома Цзян. Я сомневался в людях из-за предательства старых соратников отца и не верил в доброту из-за молчания окружающих.

Он вздохнул:

— Но человек отличается от зверя. Орел мог избегать красных плодов ради безопасности, но разве я могу перестать верить в людей ради спокойной жизни?

— Если бы я так поступил, это было бы не мудростью, а трусостью. Разве не в этом разница между человеком и зверем? Человек может верить в добро и красоту, даже пережив боль и трудности. Иначе он становится похожим на зверя, и тогда зачем жить?

Наступило долгое молчание.

Се Жунцзяо вышел из его объятий и подошёл к месту, откуда лучше всего было видеть весь город.

Цзян Цзинсин вздохнул:

— Всё складывается удачно. Если бы Се Хуань не воспользовался этим, я бы пожалел за него.

— В любом случае мы отправимся на Северную Пустошь, и там всё решится. Се Хуань сможет очистить свою репутацию.

Сказать по правде, Се Хуань заслужил свои проблемы.

Если бы он был на его месте, он бы тоже подозревал его.

Се Жунцзяо смотрел на дворцы и павильоны резиденции Фэнлина, словно слыша звуки музыки и песен, которые не умолкали ни днём, ни ночью.

Се Жунцзяо улыбнулся:

— Учитель, ты прав.

Если постоянно сомневаться во всём, даже в самых близких, то жизнь теряет смысл.

Человек отличается от зверя не только тем, что он умеет добывать пищу. В его душе есть нечто большее.

Например, любовь, вера и справедливость.

После Наставника государства в усадьбу пришёл второй незванный гость.

— Один вопрос. — Лу Биньвэй раскрыл веер. — Я не доверяю отряду семьи Се, отправляющемуся на Северную охоту. Но если не идти с ними, императрица Цзян заблокирует города Северной Чжоу, и это станет проблемой.

Путь на Северную Пустошь лежал через Северную Чжоу. Если скрывать свои личности, их вряд ли пропустят; если открыться, Цзян Цзинсин уже восемнадцать лет как в чёрном списке Северной Чжоу.

В любом случае это был тупик.

Цзян Цзинсин посмотрел на Лу Биньвэя с выражением, словно старый учитель смотрит на неудачливого ученика.

— Если бы не ты, Лу Юю, мы бы просто перелезли через стену. Разве это сложно?

Лу Биньвэй скрипнул зубами:

— Не ожидал, что святой будет заниматься воровством.

Цзян Цзинсин не обратил внимания на его слова, спокойно ответив:

— Обычное проникновение в город — не лучший вариант. Но если это ради армии Гуйюань Се Чуи, то даже воровство становится благородным делом ради спасения мира.

Лу Биньвэй холодно усмехнулся:

— Тогда ради спасения мира святому придётся взять с собой меня, который не может перелезть через стену. Я уверен, святой не будет против.

— Конечно нет. — Цзян Цзинсин с улыбкой принял его сарказм. — Если даже ты, с твоим язвительным языком, называешь меня великодушным, то, несомненно, я могу вместить в себя целые горы и моря. Твоя небольшая проблема — это пустяк.

Се Жунцзяо играл с кисточкой на своём нефритовом подвесе, не желая слушать их бесконечные споры.

— Итак, как мы доберёмся до севера?

Это был действительно важный вопрос.

Цзян Цзинсин:

— Может, присоединимся к отряду школы на Северную охоту?

Лу Биньвэй поднял бровь.

Это была хорошая идея.

Северная Чжоу и школы не зависели друг от друга, и, несмотря на внутренние конфликты, города, заблокированные императрицей Цзян, всё равно пропускали отряды школ.

Он сдержанно спросил:

— Если святой так говорит, значит, у него есть подходящая школа?

Действительно, была одна.

Цзян Цзинсин не стал тянуть:

— Школа Врат Меча подойдёт. У меня есть связи с их мастером.

Когда он произнёс «связи», Се Жунцзяо почувствовал лёгкое беспокойство.

— Мастер Врат Меча? — Лу Биньвэй взвешивал слова. — Я слышал о нём. Говорят, он хитрый и расчётливый. Можно ли ему доверять?

Когда люди говорили о мастере Врат Меча Ян Жопу, они обычно добавляли: «Этот человек обладает глубоким умом, его трудно понять».

Среди его талантливых учеников и соратников Ян Жопу не выделялся ни особым даром, ни выдающимся умом.

И всё же именно он стал мастером Врат Меча, обойдя своих более способных товарищей.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16198/1453574>